

0 7 2 3 4 5 3 - 1

На правах рукописи

Галлямов Азамат Абдрахманович

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЕДИНИЦ ЗВУКОВОГО СТРОЯ**

(на материале русского и башкирского языков)

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Уфа 2001

Работа выполнена на кафедре русской филологии
Башкирского государственного университета

Научный руководитель – доктор филологических наук
профессор Р.Х.Хайруллина

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор В.А.Шаймиев

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

кандидат филологических наук
доцент Р.Н.Ахметжанова

Ведущая организация – Башкирский государственный
медицинский университет

Защита состоится «7» июня 2001 г. в 14 часов на
заседании Совета Д 212.013.02 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора наук в Башкирском госу-
дарственном университете (450074, Уфа-74, ул. Фрунзе, 32).
а.у.с. 423

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Баш-
кирского государственного университета

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

В.Л.Ибрагимова

Автореферат разослан «5» мая 2001 г.

Общая характеристика работы

Основная масса современных лингвистических исследований основана на следующих предпосылках: *язык есть социально обусловленная, стихийно сложившаяся семиотическая система дискретных (членораздельных) знаков, предназначенная для хранения, передачи и получения информации.*

В соответствии с этими предпосылками выделяются и основные функции языка – коммуникативная, номинативная и прочие. Несмотря на обилие работ по теории знака, анализу системно-структурных свойств языка и более частным вопросам исследования языка, языковой структуры и функциональных, когнитивных и других языковых свойств, проблема создания общей теории онтологического бытия языка самого по себе, безотносительно к его функциональным свойствам, представляется делом пока еще достаточно отдаленного будущего.

В определенной мере наши взгляды идут вразрез с современными требованиями антропоцентристского, когнитивного или функционально-семантического подхода к изучению языка. Однако мы в данном случае исходим из выдвинутого, например, М.В.Араповым тезиса, суть которого состоит в требовании номотетического подхода к анализу языка, в противовес идеографическому.

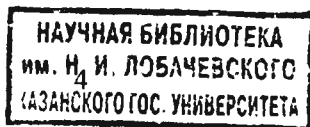
«Однако в конце XX в. языкознание встретилось с новой задачей: впервые возникла потребность отчуждения языка от его носителя (подчеркнуто нами – А.Г.). Компетентным в области языка должен был стать уже не член человеческого общества, но автомат, а знания о языке должны были быть воплощены пусть в очень сложном, но ограниченном по объему программном продукте» (Арапов 1988, 177 – 178).

Несколько иначе эту проблему сформулировал М.К.Мамардашвили применительно к анализу явлений сознания. В частности, он указывает, что «тот стиль научного исследования, который ныне господствует, не способен в одном, логически гомогенном исследовании объединить эти две разные вещи – то, как мы исследуем физические явления и достигаем их объективного понимания, и то, как мы при этом способны понимать – научно, объективно – те сознательные и жизненные явления, которые наблюдаются в исследовании и

понимании первых (т.е. физических) явлений (как, впрочем, и помимо этого). А определенная унификация средств анализа двух рядов явлений – ряда физического и ряда сознания (т.е., фактически, объединение тем самым в один двух циклов наук – наук физических и наук о жизни и сознании) явно необходима: интеллектуально удовлетворительная, полная картина мира не может терпеть внутри себя такого пробела» (Мамардашвили 1994, 4 – 5).

Требование номотетического подхода заключается, в общем-то, в отказе от описания интуиции носителей языка. Сам язык при этом рассматривается как некоторое пусть и очень сложное, но естественно-природное явление. Одним из первых, как известно, эту идею выдвинул В.Гумбольдт (Гумбольдт 1985). Основанием подобного понимания и исследования языка может служить то представление о рациональности и, соответственно, истинности, которое было выработано в рамках классической философии (Декарт, Ньютон, Кант). Так, М. К. Мамардашвили отмечает, что понятие физического тела, выработанное в рамках классического идеала рациональности, предполагает такое его представление, при котором оно полностью выражено в виде пространственного объекта. Он пишет, что «в этом смысле термины «объективное» и «пространственное» совпадают, могут употребляться через запятую, как и понятие «внешнее наблюдение». В последнем добавлении очевидно, что «объективному» тождественно здесь «внешнее» (или пространственное), а «внутреннее» – «субъективному»: в явлениях, рассматриваемых в качестве физических, не может быть внутреннего, т.е. такого, которое в ссылках, объяснениях, обоснованиях и т.д. допускалось бы по ту сторону локализации и прослеживания явлений в пространстве и времени (в виде чего-то наделенного некоторыми «первичными силами», «свойствами-влечениями» вроде: «стремиться», «избегать», «желать», «подумать и поэтому что-то сделать», и т.д.)» (Мамардашвили 1994, 6 – 7).

Естественно, что подобный подход в рамках гуманитарных наук был и остается все еще неприспелым, хотя необходимость номотетического подхода к анализу языка ощущается уже достаточно давно. Можно указать на Гумбольдта, Дройзена, Дильтея, Кассирера, а из современных ученых на И.И.Ревзина, Ю.М.Лотмана, В.В.Мартынова, Б.А.Успенского,

Вяч.Вс.Иванова, П.Райана и многих других, обосновывавших необходимость аксиоматизации корпуса лингвистических знаний.

Исходя, вслед за Н.Бором, Чао, Ревзиным и другими исследователями, из принципа неединственности возможных описаний и представлений всего что ни есть в мире, в том числе и языка, мы считаем, что возможно такое описание языковых единиц, которое исходит из их, так сказать, «физической» реальности, хотя бы и реальности особого рода. Выбор двух языков для описания единиц звукового строя вызван скорее необходимостью показать, как именно реализуются возможности развития системы звукового строя того или иного языка в зависимости от исторически сложившихся условий его формирования, становления и развития, чем соображениями собственно сопоставительного анализа. Особенности развития и функционирования единиц звукового строя можно проследить, в общем-то, на материале и одного языка, но, как нам представляется, анализ, проведенный на материале двух языков, отличающихся как генетически, так и по своим структурно-типологическим свойствам, будет в целом убедительнее.

Мы ограничиваем наше исследование анализом 1) единиц звукового строя только двух языков и 2) принципов, положенных в основу их выделения.

Особую роль при изучении, как лингвистическом, так и любом другом, какого-либо объекта приобретают, как нам кажется, исходные предпосылки, которые задают то или иное пространство исследования и в определенной мере предопределяют его результаты.

Мы исходим из двух основных предпосылок.

Во-первых, понимаем язык как инобытие человека, то есть рассматриваем язык в качестве одной из форм существования человека в качестве человека.

Во-вторых, рассматриваем язык в качестве особого рода пространственно-временного континуума (ПВК). Мы считаем, что наиболее существенные свойства этого лингвистического ПВК задаются фундаментальными (или кардинальными, или логически исходными) свойствами того мира, в рамках которого мы существуем и порождением которого мы являемся. Иначе говоря, наиболее глубинные свойства языка, если

воспользоваться именно этим термином, определяются или даже предопределяются свойствами физического пространства и времени, кардинальными свойствами пространственно-временной структуры Вселенной. Таким образом, мы в данном случае исходим из принципа изоморфизма, то есть соответствия онтологических свойств макромира онтологическим свойствам объектов, составляющих отдельные области и части этого макромира.

Целью данной работы является описание онтологической природы единиц звукового строя двух разносистемных языков – русского и башкирского.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- дать обоснование понимания языка как инобытия человека и как пространственно-временного континуума;
- описать возможности представления единиц звукового строя различных языков в рамках единого терминологического аппарата;
- проанализировать особенности онтологической структуры единиц звукового строя русского и башкирского языков, понятых и представленных как ПВК.

Методологической основой исследования послужили идеи и представления современной философии, физики, лингвистики, психолингвистики – необходимость номотетического подхода к анализу явлений гуманитарных областей знания, заключающегося во включении явлений сознания в структуру исследования в качестве одного из логически исходных объяснительных принципов (Гадамер, Лосев, Мамардашвили, Хайдеггер, Хюбнер, Мартынов и др.), расширенное понимание языка не только как социально обусловленного, но и естественно-природного явления в смысле обусловленности строения языка особенностями строения мира как целого (Бахтин, Гамкрелидзе, Гумбольдт, Лосев, Потемня, Щека и др.). Логически исходными объяснительными принципами и категориями в настоящей работе выступают понятия «единораздельная цельность», «инобытие», «пространственно-временной континуум», «фонон», «квант взаимодействия», «фрактал». В решении поставленных задач используются принципы логико-семантического, логико-философского, теоретико-методологического анализа, которые дают возмож-

ность определить онтологический статус единиц звукового строя языка как такового, языка самого по себе и, в частности, русского и башкирского языков, а также позволяют говорить о геометрии языка и сознания, не сводя их при этом к традиционным естественнонаучным представлениям.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- впервые язык рассматривается как пространственно-временной континуум и инобытие человека;
- анализируются историко-философские истоки понимания языка как инобытия человека и пространственно-временного континуума;
- сопоставляются единицы звукового строя двух разносистемных языков, понятых как особого рода пространственно-временные образования фрактальной природы;
- проводится логико-методологический анализ понятий и категорий, используемых при описании фонетических единиц различных языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ставшие традиционными определения языка как средства общения и системно-структурного образования являются недостаточными для анализа исследования языка, что требует введения в качестве логически исходных объяснительных принципов иных приемов и методов анализа на основе принципа дополнительности;
2. Понимание языка как инобытия человека и пространственно-временного образования создает основу для более адекватного и глубокого понимания как функционирования языка, так и его происхождения;
3. Включение естественнонаучных приемов и методов анализа в практику гуманитарных исследований, в частности, лингвистических, с учетом современного понимания места и роли субъекта познания в структуре акта познания и субъективности как обязательного условия самой возможности познания – есть условие адекватного постижения и представления явлений, связанных с человеком;
4. Пространственно-временная конфигурация единиц звукового строя языка определяется а) кардинальными свойствами того мира, в рамках которого мы существуем и составной частью которого мы являемся, б) типологическими свойствами языка, в частности ведущей тенденцией языка в сторону

синтетизма или аналитизма, что позволяет говорить о дробной размерности единиц звукового строя и их функционировании в качестве фракталов, то есть таких единиц, в рамках которых совмещены свойства объектов и явлений разных уровней языковой системы;

5. Типологические свойства языка определяются а) особенностями среды обитания человека, б) уровнем развития социума, инобытием которого является тот или иной язык, в) спецификой кодирования социально значимой информации, определяющей производство и воспроизводство человека в качестве человека.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она представляет собой первую попытку описать язык (в частности, систему единиц звукового строя) на основе иных, нежели принято, принципов понимания, описания и представления. Подобный анализ позволяет по-новому представить как функционирование языка, так и его происхождение. Результаты исследования могут быть использованы для исследования других единиц языка.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке теоретических проблем общего языкознания, подготовке теоретических и практических курсов по общему, сравнительно-историческому, сопоставительному и типологическому языкознанию, для моделирования с помощью компьютерных средств особенностей функционирования и эволюции языка, а также, по всей видимости, и сознания.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русской филологии Башкирского государственного университета, излагались в статьях и выступлениях на научно-практических конференциях и семинарах: «Формирование фонематического слуха» // Преподавание родного и русского языков и литератур в башкирской школе. Сб. статей. – Уфа, 1987; «О роли ударения и интонации в обучении произношению» // Учитель Башкирии, 1996, № 4; «О единстве трех понятий: человек, язык, культура // Человек. Язык. Культура». – Уфа, 1996; «Билингвизм как существование в двух мирах» // Функционирование русского языка в условиях активного билингвизма и полилингвизма. – Уфа, 1999. Материалы диссертации исполь-

зовались автором при чтении раздела «Фонология» в рамках курса «Современный русский язык», а также при чтении курса «Синтаксис современного русского языка».

Структура работы. Диссертация состоит из двух частей, четырех глав, введения и заключения, списка использованной литературы и приложений.

Содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, подчеркивается новизна исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, намечаются цели и конкретные задачи предпринятого исследования, его методологические предпосылки и основания.

В первой части диссертации – **Исходные принципы и категории** – описываются исходные понятия, положенные в основу исследования (Глава 1), рассматривается вопрос о правомерности и необходимости анализа языка как пространственно-временного континуума (Глава 2), намечаются возможные пути решения этой проблемы.

Любое исследование включает в себя несколько пластов детерминации, которые могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно. Необходимость в эксплицитированном обосновании обычно имплицитно задаваемых принципов и категорий, принимаемых в качестве логически исходных, возникает тогда и только тогда, когда исходная парадигма исследования оказывается либо недостаточной для объяснения и обоснования каких-либо вновь обнаруженных фактов и явлений, либо интерес представляют сами принципы исследования.

На наш взгляд, в современном языкознании назревает смена системы логически исходных объяснительных принципов и категорий, связанная с потребностью именно в номотетическом понимании и представлении объекта исследования лингвистов (Арапов 1988, 177 – 178). В связи с этим можно, как нам представляется, утверждать, что одной из актуальных задач современного языкознания является аксиоматизация всего корпуса лингвистических знаний, представление его в виде компактного набора логически исходных принципов и категорий, служащих для выведения и объяснения всех явле-

ний, объединяемых общим понятием языка.

А.Ф.Лосев, например, отмечает по этому поводу: «Дело в том, что в каждой науке уже давно пришли к выводу о необходимости выработки таких общих категорий, которые помогали бы осваивать все бесконечно разнообразные, случайные и часто противоречащие один другому факты и создать из них единую и цельную систему. Изучая эти обобщенные категории каждой науки, нетрудно заметить, что эти общие категории являются общими не только в смысле обобщения единичных фактов в каждой отдельной науке, но и в смысле обобщения отдельных наук между собою» (Лосев 1989, 5 – 6).

Исходной предпосылкой большинства современных теорий языка является, как известно, понимание его как средства общения. Хотя уже в самой античности наметилось и иное понимание того, что такое язык и каково его место в структуре человеческого бытия. Это можно видеть, например, в работах жившего в эпоху поздней античности философа-неоплатоника Татиана, который исходил из понимания языка как инобытия человека.

Тех или иных определений языка или определений его свойств и функций можно привести много, но главным для каждого из них (или, во всяком случае, для подавляющего большинства) является указание на функцию языка – быть средством общения. Кроме того, в определениях языка указывается и такое его отличительное свойство, как системно-структурный характер - язык есть система или язык есть знаковая (семиотическая) система. Однако ни одно из существующих определений языка (по крайней мере из тех, что известны нам) не указывает на проблему онтологической сущности языка, не дает ответа на вопрос, что есть язык сам по себе, безотносительно к своей (своим) функции, хотя бы и наиважнейшей.

Действительно, во всех дефинициях языка, используемых в настоящее время в качестве логически исходных объяснительных принципов, он определяется через понятие знака. Таким образом, для того чтобы определить, что такое язык, сначала необходимо определить, что такое знак. Число же определений знака и работ по теории знака на сегодняшний день уже таково, что определение языка через понятие знака становится слишком уж расплывчатым и, следовательно, неопе-

рабельным (Лосев 1982; Он же, 1983.). К тому же, как показал А.Ф.Лосев, большинство определений понятия «знак» в явной или неявной форме страдают логической ошибкой *idem per idem*. В итоге мы получаем, что язык есть нечто, имеющее характер знака или являющееся знаком. Таким образом, подобное определение принимает, в конечном счете, следующий вид: язык есть знак. Следовательно, проблема определения языка сводится к проблеме определения знака. Но является ли язык только знаком, хотя бы и в самом широком понимании этого термина, и можно ли проблему определения языка свести к проблеме определения знака и, соответственно, к пониманию языка как знака? Думается, что на этот вопрос можно дать только отрицательный ответ. И не потому, что язык не есть знак (или знаковая система), а потому, что подобное определение языка является явно недостаточным, указывает всего лишь на одну из его сторон, на одну из его функций – быть знаком чего-то внезнакового (Лосев 1982, 37). Но насколько исчерпывается определение сущности языка указанием на его знаковую структуру? На наш взгляд, не только не исчерпывается, но и не указывает на нее. Указание на то, что нечто является знаком, позволяет вскрыть, до определенной, разумеется, степени, системно-структурный характер изучаемого явления, объекта и т.д., поскольку быть знаком можно только по отношению к чему-то, находящемуся вне самого знака (Лосев 1982). Но подобное определение не даст ответа на вопрос о самой сущности исследуемого объекта. Оно ничего не говорит о том, знаком чего собственно язык является, не даст ответа на вопрос в первую очередь об онтологической сущности объекта исследования.

Это же можно сказать и по поводу определений языка через понятие системы или структуры. В науке эти два понятия используются либо как синонимы, либо первое подчеркивает целостность объекта, а второе – существенную взаимосвязь элементов объекта, обеспечивающую его целостность.

Однако все определения, в которых использовано понятие общения, исходят из понимания общения преимущественно как процесса обмена информацией. Информация при этом обычно рассматривается как некоторая совокупность знаний, точнее – как некоторый объект, который можно передавать, переносить из одной точки пространства в другую. Однако

такое понимание превращает язык в некоторое подобие приемопередающего устройства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но если язык есть нечто, обеспечивающее целостность чего-либо, то совершенно логичен вывод о том, что без языка нет и самой целостности этого нечто, а именно сообщества людей, то есть язык и есть сама эта общность людей. Язык, следовательно, не есть средство (инструмент) общения, как бы широко это ни понимать. Он есть сама эта общность, то есть язык есть форма (модус) существования той или иной общности людей в качестве именно общности, в качестве чего-либо целостного, единого. На наш взгляд, только при таком подходе получают свое адекватное обоснование и все другие определения языка. Инструментальное же понимание языка идет, как нам представляется, от понимания роли и места языка (как речи) в ситуации межсубъектного взаимодействия и экстраполяции этой ситуации на всю область функционирования (бытия) языка (уже не инструментального, но онтологического).

Рассмотрение таких понятий, как «человек», «язык», «культура», и соответственно, объектов и явлений, обозначаемых этими понятиями, необходимо по целому ряду причин.

В первую очередь это необходимо потому, что все они определяются через отношение друг к другу: в определении человека обязательно входят понятия «язык» и «культура»; говоря о языке, мы всегда говорим о языке человека и всегда рассматриваем его в качестве сущностной характеристики человека и явления, неразрывно связанного с миром человека; культура, в свою очередь, также определяется через понятия «язык» и «человек». Понимание человека, языка и культуры как объектов, неразрывно взаимосвязанных и взаимно детерминирующих друг друга, восходит уже к поздней античности, а в Новое время – к немецкой классической философии. В первую очередь оно связано с именами Татиана, И.Г.Гердера и В.Гумбольдта. Указание Гумбольдта на то, что язык существует в формах эргона и энергеи дает возможность представить язык в качестве единого нераздельного целого, которое может и должно описываться с различных, дополняющих друг друга сторон и аспектов анализа. Иначе говоря, язык можно и, на наш взгляд, нужно понимать не только в виде результата деятельности человека или даже самой деятельности человека, но

и в виде модуса существования человека, в виде его инобытия, обеспечивающего его бытие.

Таким образом, язык сам по себе есть не просто и не только средство общения и т.д., как бы широко это ни понимать, а сам человек во всем богатстве своих проявлений, язык есть инобытие человека.

Эти три понятия – человек, язык, культура – являются, как мы считаем, тремя аспектами изучения одного и того же феномена, обозначаемого как «Человек». Понятие «человек» выступает здесь в качестве родового понятия, данного не только как единство своих определений (язык, культура). Самое главное заключается в том, что это логически исходная точка отсчета, определяющая специфику анализа как самой себя как момента расщепления единого, существующего как единораздельная целостность, так и своих реализаций, данных в виде модусов существования человека самого по себе. Понятие «язык», в первую очередь, указывает и подчеркивает изучение и анализ интеллектуально-познавательной сферы и других областей идеального бытия человека. В частности, это выразилось в развитии в настоящее время когнитологии и связанных с ней областей исследования. Понятие же культуры охватывает область проявления материально-практической и духовной деятельности человека в качестве человека.

На основе анализа логики триединства, проведенного Раушенбахом, мы считаем, что язык, человек, культура также есть некоторый целостный объект исследования, обладающий свойствами триединства, нераздельности и неслиянности (Раушенбах) или единораздельной цельности (Лосев). Кроме того, мы считаем, что язык существует в виде некоторого пространственно-временного континуума, характеризующегося многомерной топологической структурой, или представляет собой «ячистое многообразие с флуктуирующей топологией» (Ахундов 1982, 92). Так определяют суть вакуума в современной физике, но данная характеристика как нельзя более точно подходит и для определения особенностей как строения, так и самого бытия языка.

Таким образом, первой предпосылкой нашего анализа является тезис о том, что язык, человек, культура суть три модуса существования одного и того же, где язык выступает в **форме инобытия человека**, которое, наряду с культурой, по-

рождает пространство и форму реализации человека в качестве человека. Другие аспекты этой проблемы в данной работе не рассматриваются.

Большинство философов решало вопрос о соотношении бытия и инобытия в рамках закона единства и борьбы противоположностей, что в наиболее явном виде и было сформулировано Гегелем, а вслед за ним и другими философами. В результате исследований в области квантовой физики Нильс Бор пришел к осознанию того, что необходимо дать новую формулировку и, соответственно, новое понимание этого закона. Хотя Бор и не занимался собственно философией или философским обоснованием основ физики, он одним из первых в науке заговорил о категории и принципе дополненности как условия адекватного описания явлений физики микромира, что немного позднее было сформулировано в виде принципа соотношения неопределенностей (Гейзенберг 1989, 15 - 17; Мигдал 1990, 15), который в настоящее время все шире начинает использоваться и в иных областях знаний, например, в лингвистике.

В настоящее время требуется иная схема понимания языка, а именно: как инобытия человека, с одной стороны, и представления его как пространства и времени, как некоторого пространственно-временного континуума, с другой.

Онтология языка при этом может быть выражена следующей схемой:

Человек как бытие – Язык как инобытие человека

Поскольку объект, описываемый в рамках оппозиции «человек – язык», представляет собой некоторого рода целостность, данную как множество, то и само бытие такого объекта не может быть чем-либо иным, как только множеством, которое постоянно переходит из одного своего состояния в другое. Бытие преобразуется в инобытие, так что объект существует как единство бытия и инобытия. Следовательно, бытие данного объекта осуществляется в форме постоянного перехода из одного своего состояния в другое в виде взаимодействия точек данного множества (человек) с точками другого множества (язык), то есть обладает «флуктуирующей топологией». Иначе говоря, человек существует и как *φύσις*, и как *φασίς*. Диалектику этого явления в рамках понятий «формирование, становление и развитие» детально проанализировал

А.Ф.Лосев (Лосев 1977). Но ни человек, ни язык не существуют и не могут существовать только как дискретная точка или как континуум, они даны дискретно-континуальным образом. Человек, человек сам по себе, человек как таковой, – есть некоторое множество индивидуумов. Так же и язык есть некоторое множество языков – идиолектов, социолектов, этнолектов... Человек как индивидуум есть, таким образом, частичное воплощение языка в виде идиолекта. Вместе с тем он дан как некоторая целостность, которую можно рассматривать в качестве символа, если иметь в виду его содержательный аспект, или в качестве фрактала, если рассматривать форму его существования. Под фракталом мы в данном случае понимаем особенность проявления человека в качестве человека в данной точке пространства и времени. Это понятие впервые было использовано применительно к явлениям, имеющим место в средах, основной чертой которых является состояние динамического равновесия. Применительно к явлениям, традиционно описываемым в гуманитарных дисциплинах, не так давно понятие фрактала было применено Р.Б.Ахметшиным для анализа особенностей прозы А.П.Чехова (Ахметшин 1997).

Суть фрактальной структуры языковых единиц состоит в их дробной n -мерности. Фрактальность – и есть n -мерность, причем эта n -мерность дана в виде дробной размерности. Дискретное представление объекта исследования в рамках какой-либо исследовательской парадигмы (в свою очередь опирающейся на определенную мировоззренческую парадигму) неизбежно расчленяет объект исследования в двух аспектах. Во-первых, объект, который по определению может существовать только в движении, описывается статически, то есть в таком виде, в котором его не может быть по определению. Во-вторых, вследствие этого в качестве онтологических свойств выделяются такие из них, которые принадлежат различным пространственно-временным планам. В фонологии, в частности, это нашло отражение в признании лабиализованности ⟨д⟩ в слове «дом», то есть в наделении предшествующей фонетической единицы свойствами последующей, которые однако в рамках исходной парадигмы невозможны для нее. И связано это с подразделением фонетических единиц на два класса: гласные и согласные. И вместе с тем эти факты как раз и говорят об особом, а именно фрактальном характере как фонсе-

тических, так и всех других единиц языка. Здесь же следует отметить, что фрактальность, как особенность проявления и существования объекта, состоит в том, что вычленяемый в процессе исследования предмет исследования всегда представлен таким образом, что допускает (или даже требует) некоторую множественность описаний, причем каждое такое описание является, с одной стороны, целостным и самостоятельным, а с другой – выступает по отношению к другому в качестве дополнительного. Противоречивость описаний лингвистических единиц, как нам представляется, связана не только с противоречивостью и недостаточной разработанностью используемого категориально-понятийного аппарата или с противоречивостью бытия исследуемых единиц. Она связана и с такой их особенностью как фрактальность, суть которой как раз в том и состоит в том, что исследуемый объект представлен на данном уровне анализа всегда частично, фрагментарно, лишь одной своей стороной, фиксируемой при данном аспекте исследования. В то время как сам по себе он представляет собой именно фрактал – дискретно-континуальное образование, обладающее свойствами как вышележащего, так и нижележащего уровней (при поуровневом, иерархическом анализе или понимании) системы, в рамках которой данный объект исследования вычленяется.

Воспользуемся понятием взаимодействия, которое будем понимать следующим образом: 1) во-первых, это некоторое состояние объекта / объектов, при котором состояние одной его части (или одного из этих объектов) обусловлено состоянием другой его части; 2) во-вторых, взаимодействующие объекты представляют собой не временную последовательность событий, в рамках которых один из объектов предстает как причина некоторого рода изменений (взаимодействия), а другой как следствие и не последовательные состояния одного и того же объекта (так сказать, фазы его эволюции). Взаимодействующие объекты представляют собой лишь логическое описание (а это неизбежно дихотомизирующее описание на основе бинаризации континуума состояний исследуемого объекта) в виде оппозиции «до – после», или «было – стало», характеризующей некоторую особенность онтологического бытия некоторого объекта, являющегося в самом себе единой нераздельной цельностью, для собственного бытия которого не

имеет смысла говорить о причине и следствии, о состоянии «до» и «после», о том, что так было и так стало. Все эти характеристики имеют смысл тогда и только тогда, когда объект дан внешним образом, когда он взаимодействует с другими объектами, в рамках некоторого пространства и времени, существующего в качестве вмстителища происходящих событий. Нас же интересует собственный ПВК некоторого объекта, в нашем случае – это единицы звукового строя или, если взять шире, ПВК оппозиции «человек – язык», члены которой представляют собой именно границы бытия этого единораздельного по сути своей ПВК.

Таким образом, взаимодействие есть не собственно деятельность, поскольку деятельность предполагает субъекта деятельности, отличного от самой деятельности. Деятельность при этом выступает в качестве пусть и онтологически имманентного, но все же акцидентального свойства субъекта. Взаимодействие же есть сама форма существования некоторого объекта. Специфику этого взаимодействия можно выразить в виде следующей схемы.

$$(H \square L) \leftrightarrow (L \square H)$$

где:

– **H** – обозначает множество состояний объекта «человек», «носителя» данного языка. Качественные здесь необходимы, как мы считаем и убеждены, в силу того, что человек не является *носителем* языка, он и есть сам язык, его бытие единораздельно;

– **L** – обозначает множество состояний объекта «язык»;

– **()** – указывают на целостность, единораздельность, то есть неслиянность и нераздельность пары «человек – язык»;

– **□** – указывает на единораздельную цельность оппозиции «человек – язык», существующую как инобытие друг друга;

– **↔** – обозначает взаимодействие.

Данная формула возможна в двух вариантах:

$$(H \square L) \leftrightarrow (L \square H)$$

$$(L \square H) \leftrightarrow (H \square L)$$

Первый вариант указывает на язык как условие бытия че-

ловека, а второй – на человека как условие бытия языка.

Язык как инобытие человека есть пространственно-временной континуум (ПВК), онтологические свойства которого определяются (задаются) множеством параметров, как минимум - тремя параметрами. Во-первых, свойствами и характеристиками физического, материально-вещественного ПВК. Иначе говоря, свойствами и характеристиками, в первую очередь метрико-топологическими, того мира, в рамках которого мы существуем и частью которого мы являемся; в том числе и природно-географическими. Во-вторых, они определяются свойствами и характеристиками человека как социума, которые определяют (наряду с природно-географическими, ландшафтными) структурно-типологические свойства языка, то есть определяют конфигурацию его пространственно-временных структур. В-третьих, свойствами и характеристиками человека как индивидуума (уровнем и структурой его психофизической организации и всеми приходящими факторами).

Понимание языка как ПВК впервые было высказано уже в рамках структурализма (Блумфилд 1999; Ельмслев 1960; Иванов 1957; Ломтев 1972; Мартынов 1983; Ревзин 1975; Он же, 1978; Соссюр 1977; Трубецкой 1960 и др.), хотя собственно пространственно-временные аспекты онтологии языка при этом не исследовались. Так, само подразделение на язык и речь, постулированное Ф.Соссюром, свидетельство того, что речь идет о пространственно-временной локализации объекта исследования. В 70-е годы на необходимость представления языка как особого рода пространственно-временной структуры (в частности, в виде геометрических объектов) обратили внимание Н.С.Слюсарева и Ю.А.Шрейдер.

Понятие модели, предложенное Лосевым, дает, как нам кажется, возможность не просто интеллектуальной (интеллигибельной), но и чисто визуальной наглядности с помощью, например, средств компьютерного программирования. Проблема наглядности имеет, на наш взгляд, как минимум два аспекта – 1) наглядность как визуально данная конструкция, в частности на основе геометризации объекта исследования и 2) наглядность как логическое обоснование.

Б.В.Раушенбах указывает на то, что наглядность для некоторых видов объектов может быть только логической и что

этого достаточно для обоснования исследуемого предмета. В определенной мере его подход перекликается с позицией В. Виндельбанда и Л. Витгенштейна. Этой же точки зрения придерживается Г. С. Клычков (Клычков 1989). Кроме того, Б. В. Раушенбах говорит о том, что есть объекты, которые иначе как в форме логической наглядности существовать не могут.

Мы, со своей стороны, считаем, что объекты, не данные нам в непосредственном восприятии, могут быть представлены для непосредственного визуального восприятия в том случае, если соблюдено следующее условие: предмет должен быть рассмотрен в самом себе, то есть, в нашем случае, в рамках своего собственного ПВК. Тогда мы можем представить его и в виде визуально наглядного объекта. То есть проблема наглядности, точнее – визуальной наглядности, состоит в том, чтобы представить предмет исследования в виде такого объекта, который являлся бы объектом нашего, предметно-вещественного мира, был эксплицирован в нем весь. Таким образом, проблема наглядности применительно к нашей теме состоит в том, чтобы представить единицы звукового строя языка в виде трехмерных объектов, и для этого необходимо найти обоснование.

Любое явление не просто имеет место, но имеет место где-то и когда-то, оно локализовано, ограничено рамками возможного и допустимого, предыдущего и последующего. Оно определено и определено, как некоторыми пространственными и временными границами, так и в рамках некоторых пространственных же и временных границ. Причем пространство не следует понимать исключительно материально-вещественным образом. Наша задача, таким образом, состоит в том, чтобы показать, что язык есть именно пространственно-временной континуум.

Основанием для этого является следующее утверждение: поскольку мир дан нам (предстает перед нами, ощущается нами, воспринимается нами) в виде трехмерного (четырёхмерного) пространственно-временного континуума, постольку все сущее в мире может быть представлено в виде трехмерных (четырёхмерных) пространственно-временных объектов. Несомненно, что эти представления имеют место в лингвистических исследованиях, однако даны они в имплицитном виде.

подразумеваются. Мы считаем, что необходимо эксплицитное введение понятия пространства, пространственно-временного континуума.

Рассмотрение языка как некоторого ПВК дает возможность представить сам язык в виде некоторой единораздельной целостности, каждая часть которой сама по себе также представляет определенного вида ПВК.

Представление языка как иерархии ярусов (стратумов, уровней и т.д.) имеет тот недостаток, что каждый ярус рассматривается преимущественно как плоскость, связанная с другими ярусами некими парадигматическими отношениями, построенными по вертикали. Система языка предстает при этом в виде слоеного пирога, нижний или даже низший уровень которого занимает фонологический ярус, а верхний, высший – занимает семантика.

Система отношений, построенная на основе вертикали, неизбежно предполагает установление оппозиции «высокий – низкий», при этом негласно предполагается, что низший уровень устроен просто или относительно просто, а высший, соответственно, сложно. Взаимосвязь и взаимная детерминированность уровней языка при этом скорее декларируется, чем объясняется и доказывается.

Одним из первых, кто указал на необходимость пересмотра отношений, построенных по вертикали, то есть на основе оппозиции «высокий – низкий», был М.М.Бахтин. Он отметил, что если в основе анализа какого-либо явления лежит иерархическая система оценок, то теряется временная перспектива. Явление рассматривается вне времени, статически, что приводит к утрате движения, динамики, процессуальности, в то время как любое явление есть в первую очередь процесс, переход от одного состояния к другому, есть именно *φασις* как момент *φωσις*-а, есть состояние порождения, становления и развития. Для внесения в анализ движения необходим переход от анализа по вертикали к анализу по горизонтали (Бахтин 1990, 444 – 446), при котором явления выстраиваются не в соответствии с их положением в предзаданной иерархии, а в процессе своего воплощения в новое, в процессе перехода от одного состояния к другому. Этот подход применим не только при анализе состояний языковой системы, например, в исторической (диахронической) перспективе, но и при анализе ее

современного состояния. А это в свою очередь требует иного подхода при обосновании того, как функционирует язык, требует иной модели его. При таком подходе ясно, что понятие иерархии неприменимо в силу того, что система не просто переходит с одного уровня на другой, нижележащий, а каждое из состояний, фиксируемых на временной оси, представляет собой фазы, периоды, этапы развития и бытия системы как целого. Отсюда и необходимость изучения физики языка, физики фазовых переходов единиц языка. Об этом, в частности, и писал Ю.А.Шрейдер применительно к лингвистике (Шрейдер 1972).

Гораздо привлекательнее и, на наш взгляд, точнее представление языка в виде некоторого n -мерного пространства, представляющего собой целокупность n -мерных ПВК, каждый из которых представлен для порождающего пространства в виде сингулярности – точки (единицы этого уровня), в окрестностях которой действуют законы квантовой механики языка. Сама же эта единица в рамках своего собственного ПВК выступает в качестве системообразующего фактора последующего уровня (фазы), задавая его координаты (что в лингвистике описывается в виде лингвистических полей).

Проблема заключается, на наш взгляд, в том, чтобы представить n -мерность лингвистического ПВК как совокупность, данную в виде единой целостности 3-мерных ПВК (исходя из аксиомы о трехмерном / многомерном строении языка).

Таким требованиям, как нам кажется, отвечает понятие **конфигурационности**. Конфигурация, как это вполне ясно из морфемно-семантического анализа самого слова, – есть такое понятие, которое описывает объект, данный нерасчлененно и вместе с тем – неслиянно. Поэтому, когда говорят о многомерном конфигурационном пространстве, необходимо, как мы считаем, понимать это следующим образом: многомерное конфигурационное пространство – это понятие, описывающее некоторый лингвистический объект (или совокупность этих объектов), представляемый, а зачастую только и представимый в качестве многомерной структуры в силу того, что временной лаг, в течение которого происходят все преобразования системы, сведен к нулю. В момент T_1 он дан еще как сингулярность, в момент T_2 он опять предстает как сингуляр-

ность же, но данная в виде диффузно-сингуляризованной дискретности, которая не может быть расчленена на данном уровне анализа.

Думается, что любое конфигурационное пространство, по крайней мере, в лингвистике, можно раскладывать и дальше, на более простые в метрическом отношении ПВК. Определенное *многомерное* или *n-мерное*, как нам кажется, можно и опустить как тавтологичное в силу того, что определение «конфигурационное» уже включает идею многомерности. Это следует из аксиомы о трехмерном (4-мерном) строении физического, предметно-вещественного ПВК, как и всех объектов его составляющих.

Следовательно, можно (и нужно) говорить не только о конфигурационном пространстве языка как целого (как инобытия человека, как средстве общения, как средстве функционально-когнитивной деятельности, как семиотической структуры и т.д.), но и его частей, то есть о конфигурационных ПВК каждой отдельной единицы языка.

Таким образом, выдвигая понимание языка как пространственно-временного континуума, мы исходим всего лишь из того факта, что в рамках нашего пространства и времени нет и не может быть иных форм существования чего бы то ни было, кроме как пространственно-временных. Даже если объект имеет иную природу, иную «физику», в границах этого мира он существует как пространство и время, как пространственно-временной континуум, пусть и особого рода.

Во второй части – **Единицы звукового строя русского и башкирского языков** – дается анализ системы понятий, принципов и категорий, которые необходимы для анализа единиц звукового строя двух языков (глава 3) и анализируются свойства фонологических пространств двух языков, а также свойства объектов, образующих эти пространства и порождаемые этими пространствами (глава 4).

Поскольку мы пришли к выводу, что язык есть инобытие человека и существует в виде некоторого пространственно-временного континуума, необходимо теперь рассмотреть вопрос о статусе единиц, образующих последовательные уровни (пространственно-временные континуумы языка), то есть рассмотреть физику языка. Лосев пишет в «Истории античной

эстетики»: «Относительно термина *φύσις* необходимо сказать, что он меньше всего означает «природу» в нашем понимании этого слова. Понять этот термин можно только из греческого глагола *φωφύεσθαι* («рождать», «рождаться»)» (Лосев 1963, 345, прим. 1).

Слово «физика» мы понимаем в двух основных значениях: 1) в его исходном, этимологическом значении – *φύσις* ‘происхождение’ и 2) вполне традиционно – как пространственно-временную определенность бытия языка. Хотя это второе значение, ставшее теперь традиционным, появилось только в Новое время, когда после работ Декарта, Ньютона и в особенности Канта сложился тот тип рациональности, который определил и в значительной мере определяет представления об идеале и степени научности, необходимых и достаточных для проведения исследований.

Таким образом, физика языка есть, собственно, описание и происхождения языка, его генезиса, и описание его онтологии, его бытия; и описание языка есть не что иное как объяснение его происхождения.

Так, например, понятие агглютинации может быть отнесено ко всем языкам без исключения, и это связано не столько со структурно-типологическими свойствами языков (хотя для целого ряда языков это их главная, системообразующая особенность), сколько с фундаментальными особенностями физического пространственно-временного континуума, той Вселенной, в рамках которой мы существуем. Точнее говоря, агглютинативна речь – самый момент перехода языка из одной точки своей локализации в другую. И в этом смысле все языки мира агглютинативны.

По характеру этой объективно заданной агглютинации все языки подразделяются на две группы по способу реализации своих минимальных коммуникативных единиц, необходимых и достаточных для целей общения (общения в обычном смысле):

1) S – P – O;

2) S – O – P, где S – субъект, P – предикат,

O – объект.

Структура этих двух единиц во многом различна.

Первая представляет собственно линейную конструкцию, в рамках которой действие не просто заключено между субъек-

схемой и объектом, а представляет собой «преобразование» субъекта в объект, исходление действия от субъекта к объекту, истечение объекта из субъекта. По существу – действие не столько направлено на объект, сколько порождает его.

Вторая же – является по существу кольцевой конструкцией, где объект находится в границах, задаваемых субъектом и его деятельностью. Вполне возможно, что сама схема реализации некоторого содержания в виде этих синтаксических структур может пролить свет на некоторые кардинальные свойства как самих языков, которые используют тот или иной вариант снятия неопределенности / передачи информации, так и особенностей сознания носителей данных языков.

Проблема единиц описания. Используемые в настоящее время термин и понятие «фонема» не во всем удовлетворяют требованиям адекватности описания предмету описания. Проблема заключается в том, что эта единица языка была выделена в основном на материале русского языка, в рамках русской лингвистической школы. Использование этого понятия применительно к другим языкам для описания реальности, которая открывается за ним, требует спецификации понятия фонемы, уточнения объема его содержания и указания границ, в рамках которых понятие фонемы будет обладать необходимой степенью валидности и выступать в качестве логически исходного объяснительного принципа.

Можно отметить, что тюркские языки и, в частности башкирский, занимают промежуточное положение между языками собственно фонемными и слоговыми (морфонемными) и представляют собой как бы переходный тип в области фонологического строя. Звуковой строй этих языков не только может быть описан с позиций фонемного или силлабофонемного подхода, но и сами единицы представляют собой именно фонемно-силлабофонемно-морфонемные структуры.

Отсюда следует, как мы считаем, что более корректным будет использование, например, таких понятий как фонон, квант или, описательно, единица звукового строя языка. На наш взгляд проблема определения онтологического статуса фонемы связана не только с собственно лингвистическими проблемами. Как указывают многие исследователи, европейский тип мышления в целом базировался на преимущественно таком понимании места и роли субстанции в системе мира,

которое задавалось онтологией Аристотеля. Линии, задаваемые, например, Я.Беме, К.Сведенборгом или С.Киркгором, были все-таки периферией, хотя и дали впоследствии Копенгагенскую школу физики и Датский структурализм. Проблема, как показал К.Хюбнер, состояла в том, что именно принять в качестве логически исходного объяснительного принципа. Так, для большинства современных лингвистических направлений первичная реальность состоит из субстанций, обладающих определенными свойствами, которые и формируют те или иные отношения. В то время как для Н.Бора и Л.Ельмслева первичная реальность состоит из отношений, анализ которых и приводит к выделению субстанций (Хюбнер 1996, 34 – 35).

Проблемы глоттогенеза. Взаимодействие в условиях того пространственно-временного континуума, в рамках которого мы существуем и составными частями которого мы являемся, может осуществляться не более чем тремя способами. Во-первых, оно может быть механическим, при котором осуществляется непосредственное взаимодействие двух тел в макром мире. Во-вторых, электромагнитным, включающем в себя весь спектр электромагнитных излучений: оптический, радиоволновой, рентгеновский и т.д., – и осуществляется оно на любом уровне, от макромира до микромира. В-третьих, акустическим (это, конечно же, разновидность механического взаимодействия, но весьма специфическая его разновидность). При этом надо иметь в виду, что любое взаимодействие в рамках нашего пространственно-временного континуума может быть только материальным, во всяком случае иные формы взаимодействия пока что не зафиксированы. И указанные выше три способа – лишь его разновидности. Первый необходимо исключить вследствие крайне ограниченного его применения: он используется только слепоглухонемыми. В обычных же условиях употребление механического воздействия в виде прикосновения к собеседнику всегда ограничено целью привлечения внимания или подчеркивания важности сообщаемого или происходящего. Сколько-нибудь серьезное использование электромагнитного излучения (в виде радиоволн) началось сравнительно недавно и поэтому также может не рассматриваться, хотя как раз анализ спектрограмм различного вида излучений и показал, что взаимодействие между двумя объектами осу-

ществляется не иначе как только квантованием, что поток излучения с необходимостью разлагается на кванты и представляет собой поток дискретно данных, точечных объектов, в то же самое время обладающих волновой структурой. Эти явления как раз и дали толчок становлению квантовой физики. Таким образом, для наших целей необходим анализ только акустического способа взаимодействия.

Надо только заметить при этом, что нет никаких принципиальных ограничений на то, что если бы биологическая эволюция человека шла по иному пути, то основным мог бы стать не акустический, а электромагнитный (радиоволновой, например) способ взаимодействия. Выделение единиц типа фонем и других было бы необходимо и в этом случае, поскольку их существование обусловлено не только и не столько лингвистическими, сколько собственно физическими свойствами пространственно-временного континуума.

Анализ развития детской речи показал (Выготский 1982), что становление языка и речи в онтогенезе идет от синкретичных, не членимых на составляющие их компоненты комплексов, которые (кстати, не так уж и условно) можно было бы называть «словами-фонемами» (Баскаков 1988, Касевич 1977) и которые на данном этапе эволюции языка являются системообразующими, к таким структурам, которые в рамках данного социума, на данной ступени его развития, являются основными (Якобсон 1980). Это первичные кванты взаимодействия. Они характеризуются рядом параметров: зоной порождения и звуковысотными характеристиками.

Так, исходя из особенностей анатомо-физиологического строения полости рта человека, мы можем выделить следующие зоны порождения квантов взаимодействия: передняя, средняя и задняя части полости рта. Речь пока что не идет о фонемах или каких-либо других лингвистических единицах. Назовем их фонемами (по аналогии с фотоном, квантом оптического излучения).

Фонем, таким образом, есть некоторый квант, характеризующийся рядом параметров: местом и способом порождения, тембром и звуковысотными характеристиками.

В основе взаимодействия лежит сообщение, в том смысле, что основу взаимодействия составляет установление общности, то есть именно *со-общение*, объединение. Как показали

исследования в области физики микромира, в основе всех преобразований, которые происходят с веществом, лежит именно квантовое взаимодействие. В основе лингвистического взаимодействия с неизбежностью лежат те же самые исходные принципы взаимодействия, квантовые в своей основе. Сообщение, понимаемое в данной работе как со-общение, осуществляется квантами-фононами, что требует рассмотрения их строения. Однако предварительно необходимо ввести понятие, отражающее самый характер взаимодействия. Это понятие *информации*, понимаемой в данном случае в том ее значении, которое было дано К.Шенноном, – как меры снятия неопределенности. Действительно, со-общение есть переход бытия в инобытие, но это не просто другое бытие, а иное бытие бытия. Таким образом, информация есть снятие неопределенности между бытием и инобытием.

Рассмотрим теперь, как должна передаваться информация с помощью квантов-фононов. Пусть L – некоторое множество объектов определенной природы. Оно существует в виде некоторого конечного множества – $L = I_1 + I_2 + I_3 + \dots + I_n$, – бытие которого обеспечивается снятием неопределенности (передачей информации) путем перехода бытия в инобытие.

В данном случае нас пока что не интересует ни собственная природа этого множества, ни те принципы, которые лежат в основе его бытия. Для нас важно то, что это множество есть, что оно обозначается словом «язык», что оно не только есть, но и действует, функционирует, проявляется, живет одним словом. Язык не является по характеру своего бытия таким же объектом в ряду других объектов, как, например, стол, дерево или что-либо другое. Отсюда такая его особенность, как речь. Язык наличен в момент своего проявления, но не есть свое проявление (Соссюр 1977; Лосев 1982; Он же 1990). Иначе говоря, речь есть инобытие языка, момент перехода языка из одного своего состояния в другое. Однако по законам физического ПВК такой переход не может осуществляться иначе, как только способом квантования (свертывания, сингуляризации) конфигурационного пространства языка в «одномерное» (речь линейна, то есть в определенном смысле одномерна) пространство речи и разворачивания в пространство языка, но уже в другой точке физического ПВК, в другой точке своей локализации.

Момент перехода от точки к точке обозначим, как речевую цепь, которая представляет собой некоторую определенную последовательность квантов, и рассмотрим, как именно речевая цепь квантов может быть организована. Несомненно, что если есть кванты как элементы некоторого множества, то они сами тоже представляют собой некоторые определенным образом организованные множества, в которые при взаимодействии «спрессовывается» пространство языка. Сам процесс при этом можно описать в рамках понятия сингуляризации. Под сингулярностью в данном случае мы понимаем некоторый точечный объект, в рамках которого некоторое пространство осуществляет переход из одной своей точки в другую путем стягивания, сингуляризации пространства.

Взаимодействие между точками множества L осуществляется на основе взаимодействия между материальными, материально представленными точками этого множества, которые сами по себе образуют другое множество – множество материальных носителей множества L . Это будет множество H , которое имеет следующий вид – $H = h_1 + h_1 + h_3 + \dots + h_n$. Носителем множества L выступает человек h , представленный в виде единицы множества H . Два эти множества находятся в отношении эквивалентности: $L = H$. Бытие H есть инобытие L и, соответственно, наоборот – бытие L есть инобытие H .

Как показал в своих исследованиях М.К.Петров, структура множества L представляет собой социокод, обуславливающий структуру и характер реализации множества H (Петров 1990). Видимо, можно говорить о том, что конфигурация языка представляет собой конфигурацию сознания человека. Так, М.К.Петров пишет о том, что в структуре языка отражается (термин, конечно же, не совсем удачный, поскольку понятие отражения не совсем точно характеризует происходящее на самом деле – здесь надо бы говорить о воплощении, или даже пресуществлении) структура социума, по отношению к которому язык выступает в качестве логически и онтологически, то есть, в данном случае, и исторически, исходного системообразующего принципа, порождающего как структуру социума, так и структуру сознания индивидуума. В определенной степени с представлениями М.К.Петрова соотносятся идеи, которые разрабатывались, хотя и в рамках иных научных парадигм, И.И.Мещаниновым, А.Ф.Лосевым, Г.А.Климовым и

другими, философами, логиками, психологами, лингвистами. Идеи М.К.Петрова дают основание для утверждения, что существующие в настоящее время теории глоттогенеза недостаточно точно описывают самый процесс возникновения, становления и развития человека, языка и сознания. Проблему глоттогенеза обычно рассматривают достаточно независимо от проблемы возникновения человека и сознания, в то время как это стороны единого процесса. А с точки зрения гносеологии – аспекты анализа единого процесса. Проблема, видимо, заключается в том, что концептуализация предмета исследования одновременно ведет и к его онтологизации, что и приводит к диспаратному анализу проблем языка, сознания и человека. М.К.Мамардашвили отмечал по этому поводу, что функциональное бытие предмета поглощает его онтологическое бытие (Мамардашвили 1993, Тарасов 1987). С нашей точки зрения – это процесс формирования, становления и развития пространственно-временных континуумов бытия человека, при котором человек становится человеком тогда и только тогда, когда он становится символом. то есть воплощает в своем собственном бытии бытие всего множества, в рамках которого он существует (Лосев 1978). Иначе говоря, человек фрактален по природе: несмотря на частичную реализацию множества L в рамках точки h_n (то есть в рамках индивидуума), входящей в множество H , само по себе множество L реализуется полностью, но фрактальным образом, что и дает основание говорить о человеке как о символе.

Итак, бытие множества L представляет собой постоянный переход из одной точки пространства в другую. Самый этот процесс может осуществляться в рамках предметно-вещественного пространственно-временного континуума исключительно квантованным и материально-вещественным образом. Неизбежным следствием квантования является периодичность, ритмичность.

Нечто взаимодействует не просто квантованным образом, то есть определенными порциями, длительностями, но и обязательно ритмично, периодически (но не спорадически). Отсюда появление в языке такого трудно объяснимого с чисто лингвистической точки зрения явления как слог, который представляет собой некоторое единство некоторого множества параметров: физического, анатомио-физиологического, лин-

гвистического. Лингвистический слог, несомненно, следствие физического и физиологического, поскольку отражает кардинальные особенности взаимодействия, возможные в данном мире. Так, трудности с синтезированием голоса человека с помощью компьютера связаны, в частности, и с предельной дискретностью описания и представления единиц звукового строя. Недостаточная степень валидности подобных описаний и привела А.А.Реформатского к необходимости введения в технику фонологических описаний понятия *интегрального признака*, что позволило до некоторой степени перейти от дискретно-точечных представлений к непрерывным.

Кванты-фононы, в силу того что они есть часть этого пространственно-временного континуума, не могут быть чем-либо иным как только ПВК. Таким образом, информация передается в виде некоторого рода пространственно-временных образований, структура которых зависит от ряда условий. Нас будут интересовать только физические, в традиционном значении этого термина, аспекты передачи информации.

Анализируя какой-либо язык, мы рассматриваем его не вообще, а на какой-то определенной стадии его развития, когда в его составе уже можно выделить какие-либо части. Таким образом, говоря о языке, мы имеем в виду, что это некоторая ступень в его развитии, на которой его компоненты уже представлены в виде единых раздельных структур.

Фононы, соответственно, представляют собой некоторого рода единых раздельных структуры, являются пространственно-временными образованиями, в рамках которых спрессовано некоторое содержание. Оно (содержание) ограничено значениями, которые может принимать фонон в данном языке, то есть ограничено координатами пространства бытия фонона, в рамках которых фонон сохраняет свою идентичность, является самим собой. Эта особенность квантов языка была зафиксирована лингвистами, например, в понятии *звуковой оболочки языкового знака* (Л.В.Щерба, Л.В.Бондарко, А.А.Реформатский, Т.П.Ломтев и др.), что как раз и говорит о том, что пространственно-временные аспекты бытия языка, вольно или невольно, но всегда находили отражение в различных определениях, дававшихся тем или иным языковым единицам.

Бытие языка само по себе непрерывно (точнее – дис-

кретно-континуально), но переход от одной точки пространства к другой неизбежно дискретен, что и требует квантования информации. Таким образом, квант – это прерывание, дискретизация континуальности путем ее сингуляризации. Передача различного рода информации (как различных видов снятия неопределенности) требует различных способов и приемов дискретизации, квантования этой информации. То есть объем единиц, объединяемых, например, понятием *фонема*, их пространственно-временной объем, неизбежно должен быть различен в различных языках. А это в свою очередь и порождает проблему соотношения единиц звукового строя языков различной структурной типологии и применимости одних и тех же понятий и методов анализа к различным языкам и даже к одному и тому же языку.

Множество квантов языка, реализующих его переход из одной точки пространства в другую, образует, с одной стороны, некоторую целостность, а с другой – распадается на два основных подмножества: подмножество гласных и подмножество согласных, промежуточным по отношению к ним является подмножество сонорных, сочетающих в себе как континуально-линейные, так и дискретно-точечные свойства. Дискретно-континуальный характер передачи информации обеспечивается сочетанием этих двух единиц, образующих ПВК единицы языка, предназначенной для перехода из одной точки в другую. Согласные, как точечные объекты, как преимущественно точечные, симультанные, задают координаты пространства, в рамках которого квант общения только и имеет смысл, гласные же обеспечивают, наряду с собственно лингвистической, сигнификативно-дистинктивной функцией, континуальность пространства реализации, его непрерывность, сукцессивность. «Базисная роль структур типа CV CV CV при восприятии речи получила экспериментальное подтверждение. По отношению к праязыку основным приемом верификации, по-видимому, становится конструктивное доказательство, согласно которому существование объекта может считаться доказанным, если указывается способ осуществимого построения этого объекта...» (Клычков 1989, 112). Сходную точку зрения на верифицируемость объекта исследования высказал и Б.В. Раушенбах (Раушенбах 1990). Необходимо заметить при этом, что эксперименты (Богомазов, Пауфошима 1979) прово-

дились на материале европейских языков, где эти структуры действительно являются системообразующими.

Исходя из существующих в настоящее время представлений о глоттогенезе, можно утверждать, что исходные кванты общения имели, могли иметь (или даже должны были иметь) следующую структуру: V, CV, SVC, компоненты которой, выделяемые чисто условно, однако, нельзя, как мы считаем, рассматривать в качестве гласных или согласных. Это еще только первоначальный, до определенной степени исходный уровень становления квантов языка.

Исходная ситуация, таким образом, состоит в том, что кванты-фононы имеют следующую структуру: (C)V(C), CV, SVC. Эти три единицы можно ранжировать в порядке возрастания их сложности, дифференцированности составных частей. Если первая из них наименее дифференцирована, на что указывают скобки, то есть она неразложимое единство вокальной и консонантной частей, то в составе двух следующих уже можно выделить, условно говоря, гласную и согласную части.

Рассмотрим структуру этих единиц. Несомненно, что если они не имеют своих внутренних частей, неразложимы, это еще не означает, что они не имеют внешних границ (Плоткин 1982). Информация может передаваться только квантованным способом, один квант отделяется от другого. Звуковой поток членится на дискретные участки, границы которых задаются условно выделяемыми консонантными частями этой исходной единицы. Таких исходных консонантных единиц может быть на начальном этапе не менее (но и не более) четырех. Обозначим их как *t* (передний), *j* (средний), *k* (задний) и «*ʔ*» (гортанная смычка). Дело в том, что в полости рта все звуки образуются именно в этих областях, то есть само пространство полости рта является матрицей порождения звуков определенной природы. Медиаль исходной «морфонемы» характеризуется звуковысотными и тембральными характеристиками. Обозначим ее как *u*. Даже если вокальный компонент имеет только одно значение, мы все равно имеем минимум 9 и максимум 16 единиц при трехкомпонентном строении исходной единицы, то есть в виде SVC. Но вокаль характеризуется некоторым множеством параметров, некоторым множеством значений (тон и тембр), то есть представляет собой не просто

целостность, но единораздельную целостность. Даже если мы введем только два тона – верхний и нижний, – количество единиц увеличится вдвое. Введение двух тембральных характеристик медиали увеличивает количество исходных единиц уже до 36 или 64, а такую структуру уже можно рассматривать как язык, пусть и чрезвычайно примитивный, но все-таки язык.

Таким образом, мы постулируем исходную матрицу языка, которая лежит в основе всех последующих эволюционных преобразований, в том числе и современных. Основу ее составляют, в зависимости от количества задаваемых первичных элементов, 9, 16 или 20 квантов-фононов. Действительно, при трех консонантах (t, j, k) и одной вокали (a) мы имеем 9 квантов общения: tat, tak, taj, jat, jak, jaj, kat, kaj, kak. Увеличение консонантов до четырех (плюс гортанная смычка «*») дает уже 16 исходных единиц. Однако наиболее вероятной, на наш взгляд, является исходная матрица, состоящая из 20 первичных компонентов. Дальнейшее увеличение исходных элементов в процессе эволюции приводит уже к лавинообразному увеличению количества возможных в языке квантов общения.

Как можно видеть, мы в данном случае описываем ситуацию в рамках преимущественно корпускулярных, дискретно-точечных представлений о строении исходных квантов общения. Однако кванты-фононы, как физические объекты, характеризуются не только корпускулярными, но и волновыми свойствами и даже по преимуществу волновыми свойствами. Как отмечает Ю.В.Щека в статье «Гипотеза о возможных этапах языковой эволюции», «язык... выступает как явление существенно волновое» (Щека 1994, 83). Проблема преодоления корпускулярно-волнового дуализма, на наш взгляд, заключается здесь в рассмотрении (в соответствии с современными физическими представлениями о строении вещества) лингвистических объектов в качестве ПВК. Хотя следует сказать, что сам парадокс возникает здесь только при абсолютизации того или иного представления. Тем более что, как показали экспериментальные исследования по членению звукового потока на составляющие его элементы, строгое разграничение единиц на гласные и согласные невозможно без определенного насилия над анализируемыми единицами, которые представляют собой именно единораздельные цельности, то есть структуры типа

CV или SVC.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что эволюцию языка можно рассматривать как моногенез. И это связано не с постулированием единого происхождения всех языков из единственного языка-источника, а в соответствии с логически исходной матрицей, объективную данность которой невозможно отрицать.

В четвертой главе рассматриваются вопросы, связанные с описанием единиц звукового строя русского и башкирского языков. Отмечается, что если минимальные единицы звукового строя русского языка во многом представляют собой точечные объекты, то в башкирском языке они изначально диффузны, не имеют строго определенной границы, их дисперсионные поля (Плоткин 1982) намного шире. Это чувствуется уже на уровне анализа их распределения в полости рта, то есть на самом базисном уровне – уровне их пространственно-временной локализации. В русском языке, встречаясь со случаями типа *рука / ручной*, мы говорим о чередовании фонем. И это действительно так по отношению к русскому языку, где фонемы – это точечные объекты, дисперсионные поля рассеяния которого допускают весьма незначительные вариации. В то время как в тюркских языках, где, за исключением узбекского, системообразующим является двутоновая система оформления слова (сингармонизм), единицы звукового строя изначально обладают вокально-консонантными свойствами. Они обладают большей степенью фрактальности и, соответственно, силлабофонемностью и даже морфонемностью единиц звукового строя.

В Заключении подведены итоги исследования и предпринята попытка аксиоматического представления языка как пространственно-временного континуума.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. «Формирование фонематического слуха» // Преподавание родного и русского языков и литератур в башкирской школе. Сб. статей. – Уфа, 1987;
2. «О роли ударения и интонации в обучении произношению» // Учитель Башкирии, 1996, № 4, 57 – 59;

3. «О единстве трех понятий: человек, язык, культура // Человек. Язык. Культура». – Уфа, 1996;

4. «Билингвизм как существование в двух мирах» // Функционирование русского языка в условиях активного билингвизма и полилингвизма. – Уфа, 1999.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Ibragimov' or similar, written in a cursive style.

Галлямов Азамат Абдрахманович

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЕДИНИЦ ЗВУКОВОГО РЯДА
(на материале русского и башкирского языков)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 03.05.2001 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Компьютерный набор.
Отпечатано на ризографе. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 2.30. Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 100 экз. Заказ 273.

*Редакционно-издательский центр Башкирского университета.
Отпечатано на множительном участке Башкирского университета.
450074. Уфа, ул. Фрунзе, 32. Тел.: (3472)236-710*

2-